
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

С.В. Смирнов*Донской государственный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

redaction-el@mail.ru

**ИНДИВИД В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СТРАХ КАК ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ****[Smirnov S. An individual in Russian society:
fear as an attitude towards social world]**

A social functioning of fear is viewed through the concept of individualized society. The individual in Russian society is notable for his optimism rooted in the customary craving for being self-reliant. Fearing is interpreted in a context of social solitude and social uncertainty. The author argues that fearing in Russian individuals is associated with compelled adaptivity and act as the way of limitation of social interactions but then carry out the demand for social alignment.

Key words: individual fears, Russian society, undersocialized fears, socialized fears, social solitude.

Рассматривая индивидуальные страхи на языке психологии, ускользает один важный момент: социальные страхи являются социальными потому, что носят не уникальный, одиночно проявляющийся характер, а являются модальными, определяют в целом господствующий тип личности в обществе. Для социальной философии важным является получение знания о страхе, как атрибуте и параметре жизни социального индивида, существенным, влияющим на самосознание индивида и на отношение к «другим» людям. Реализуя это положение, можно сказать, что индивидуальные страхи в российском обществе проявляются на уровне повседневных практик. Поэтому особенно важным является выявление того, что можно назвать индивидуальным наследством в виде коллективного и индивидуального (семейного) опыта, а также приложение к сфере повседневности понятий рефлексии, соотносимых с теоретическим уровнем сознания.

Рассматривая это положение, можно говорить, что предложенная феноменологией повседневности схема описывает трансцендентальные чувства, фундаментальные настроения, априорные чувственно-эмоциональные структуры [4]. Однако по отношению к страхам повседневные практики не являются незаметными. В большей степени культивирование беззаботности на уровне житейского оптимизма ретушируют особенность, связанную с проблематичностью существования и не согласуются с представлением о личности, как исполненном оптимизма. Указанные авторы отмечают роль трансцендентального страха в контексте торможения и табуирования активности и возможности бессмысленных поступков. Власть страха, по их мнению, разрушает обыденность, поскольку не позволяет выстраивать и сохранять постоянный порядок жизни [4].

Это важное замечание, поскольку, как отмечалось ранее, в российском обществе индивидуальные страхи ассимилированы, вытеснены в сферу отношений с государством и обществом, с объективированными социальными структурами. На уровне повседневных практик отсутствует невыносимость жизни, обнаруживается связь страха в самоограничении социальным микромиром, желанием не допускать влияния возмущающих факторов, озабоченность избыточными проблемами. Корпусулирование страха является адаптивной процедурой, и в российском обществе, где проявляется ностальгия по прошлому, не включаются механизмы тревоги. Это кажется противоречащей установкам исследователей, которые полагают, что именно на осознании прошлого построены индивидуальные страхи в российском обществе, что страх возникает из чувства тоски по, пусть не прекрасному, но стабильному и предсказуемому прошлому.

Такое суждение нельзя назвать полным, так как индивидуальные страхи в российском обществе порождаются повседневными практиками, актуалистски, и то, что можно охарактеризовать как обращенность к прошлому, в реальности представляет реконструкцию прошлого, ее восприятие в настоящем. Поэтому попытки представить российское общество зараженным сталинизмом, тоскующим по диктатуре и железному порядку, в реальности является «социально-оптической» иллюзией: в обществе на индивидуальном уровне проявляется псевдокультивирование образа вождя, так как в рамках реализуемых адаптивных стратегий поведения и отношения к приватной сфере как сфере завоеванной свободы, трудно ожидать от большинства россиян одобрения возврата в «чудесное» прошлое.

В большей степени это напоминает протест, индивидуальную реакцию на ситуацию социального беспорядка, на отклонение от социальных ожиданий, связанных с сильным государством и практиками социального опекуства. Россияне в этом смысле не являются фроммовскими персонажами, бегущими от свободы, и теми, кто готов вручить свою судьбу в руки вождя. На уровне индивидуальных страхов проявляется псевдоностальгия, когда индивидуальные страхи оправдываются разрушающим влиянием социальной среды и не исключают личную ответственность и озабоченность индивидов. Другими словами, индивидуальные страхи характеризуются выделением абстрактно общих, внешних, доминированием связей личной вещной зависимости между индивидами, что снижает уровень принятия социализированных, содержащих элементы самоуважения и почтительности, страхов и в той же степени наделяет самостоятельностью ограниченные коммуникативные практики. В силу того, что межличностное взаимодействие ранжируется в зависимости от прагматического интереса, страхи продуцируются в виде формулы потери, утраты жизненных целей и, главное, ощущения социальной неудачливости, выпадения из круга знакомых как обычных людей.

Для понимания природы личностных, индивидуальных страхов в российском обществе важным представляется положение В.Г. Федотовой о том, что в российском обществе разрушен коллективизм, но ему на смену пришел не автономный индивид, а массовый, с примордиальной идентичностью. Не решаются проблемы научно-технологической политики, конкурентоспособности, депопуляции и угрозы территориального распада, русского сепаратизма при реализации плана укрупнения территории. Вместе с тем, доминируют апатия, стабилизационный тип порядка, как и анархия, найденный не в проектной деятельности властей, а в некоторой игре исторических последствий российской истории как с властью, так и с народом. Для понимания этого нужна не упрощенная идеология, а серьезный научный анализ [8]. Иными словами, индивидуальные страхи проецируют состояние неопределенности, мятежности существования и то, что можно назвать основанием страхов как формально-рациональный порядок, является социально бедным. В этом случае не возникает дилемма «жить или не жить», но реальностью является ориентация индивидов в российском обществе на отстранение от эффекта социального сопереживания, социального соучастия и ограничение